

Аналитический доклад

**"Рельсовая война" шахтёров в мае 1998 г.:
мобилизационный потенциал**

1. Вводные замечания	2
2. Шахтеры как социальный субъект	4
3. Союзники шахтеров и условия солидарных действий	10
4. Возможности урегулирования конфликтных ситуаций	17
5. Мобилизационный потенциал "рельсовой войны"	21
<i>Литература</i>	28

1. Вводные замечания*

Одним из серьезнейших событий 1998 года стала “рельсовая война” шахтеров. Она вызвала самые противоречивые мнения и оценки, но, вместе с тем, показала, что массовые протестные акции представляют собой угрозу политической и социальной стабильности в государстве и могут привести к существенным экономическим потерям.

Под “социальной проблемой” понимается не некоторая объективная ситуация, существующая в обществе в определенный момент времени, а деятельность индивидов или групп по выдвиганию, обоснованию и пропаганде утверждений, оценок и требований относительно некоторой ситуации, будь то рост наркомании, ухудшение экологии или невыплата зарплат [1, с.77]. Иначе говоря, социальные проблемы конструируются – в результате общественной полемики, публичного обсуждения определенной темы. Социальные агенты, движимые разными, зачастую противоположными интересами, борются между собой за то, чтобы именно их видение ситуации было признано правильным, соответствующим действительности, чтобы именно оно легло в основу некоторой социальной программы: по выходу из кризиса, по реформированию экономики, по развитию здравоохранения и т.д. Если нет деятельности, полемики, борьбы за признание ситуации в той или иной общественной сфере кризисной, это означает, что в качестве социальной проблема не существует: “кризисная ситуация не существует для общества до тех пор, пока она не будет определяться в качестве таковой членами этого общества” [2, с.69].

Контурь социального протеста в немалой степени зависят от тех, кто обладает возможностями и полномочиями конструировать и распространять в обществе оценки событий и их участников. Это могут быть популярные политики, представители власти, ученые и, конечно же, журналисты [3, с.22]. Причем у последних есть значительное преимущество, поскольку они владеют монополией как на публичное именование социальных групп (социальную категоризацию), так и на широкое транслирование информации. СМИ тиражируют образцы действий и формируют критерии оценок событий (удачные – неудачные, моральные – амораль-

* Автор доклада - Иван Климов.

ные, организованные – спонтанные). Особая роль в этом принадлежит региональным СМИ¹

Работая с потоком информации, давая комментарии и оценки акциям протеста, журналисты таким образом оказываются неперенными их участниками. Освещение СМИ “рельсовой войны” показало, что формирование образа шахтеров (и вообще участников акций протеста) у населения в немалой степени зависит от позиции журналистов. Комментируя события, они тем самым конструируют систему агентов и действующих лиц, приписывая статус социального субъекта одним и отказывая в нем другим.

В августе 1998г. Фонд “Общественное мнение” провел серию стандартизованных интервью с руководителями и ведущими аналитиками региональных СМИ. Были опрошены 90 экспертов в 9 регионах Европейской части РФ. В двух из девяти регионов происходили массовые акции протеста, экономика еще одного напрямую зависит от поставок угля.

Результаты экспертного опроса анализировались совместно с данными общероссийских опросов населения, проведенных Фондом “Общественное мнение”.

Выбор руководителей и ведущих аналитиков региональных СМИ в качестве экспертов был обусловлен следующими мотивами:

- область компетентности экспертов формируется в результате их профессиональной деятельности;
- эксперты умеют формулировать и обосновывать свое мнение, строить аргументированные предположения о возможных тенденциях изменения ситуации в регионе;

¹ Отвечая на вопрос “Какую газету Вы чаще всего читали за последний месяц?”, 42% респондентов выбрали вариант: “местную”. На повторное предложение назвать еще одну газету тот же ответ выбрали 31% опрошенных. Данные общероссийского опроса населения, проведенного ФОМ по репрезентативной выборке в 56 населенных пунктах 29 областей, краев и республик всех экономико-географических зон России. Интервью по месту жительства. Объем выборки – 1500 респондентов. 10-11 мая 1997г.

– налицо потенциальная возможность тиражирования массовым сознанием образов социальной реальности, складывающихся у представителей провинциальной журналистской элиты.

Сведения, мнения и оценки работников СМИ как источник информации о конкретных событиях имеют те же ограничения, что и феномены массового сознания. Являясь непосредственными наблюдателями событий в своем регионе, журналисты оценивают их в соответствии с собственными установками и (или) с установками местных элит. В случае опосредованного наблюдения они руководствуются в своих оценках и комментариях такими принципами, как использование сведений и стереотипных суждений, предлагаемых общероссийскими СМИ, и проведение аналогий с ситуацией в своем регионе.

Ответы экспертов интересны не только как источник информации о настроениях в регионах. Журналисты являются участниками процесса коллективного определения проблемной ситуации. Их оценки и мнения становятся фактором мобилизационного потенциала акций протеста, поскольку установки людей на одобрение, поддержку или осуждение деятельности той или иной группы зависят от позиции региональных СМИ.

Ниже дан анализ представлений экспертов о четырех ключевых аспектах, связанных с “рельсовой войной”: особенности шахтеров как социального субъекта; условия солидарных действий; механизмы урегулирования конфликтных ситуаций; мобилизационный потенциал акций протеста.

2. Шахтеры как социальный субъект

“Рельсовая война” породила множество вопросов. Допустимо ли прибегать к подобным экстремальным мерам для отстаивания своих интересов? Выиграли или проиграли шахтеры в результате акции? Возможно ли повторение выступлений? Однако за всеми этими вопросами кроется недоумение: неужели “рельсовая война” организована самими

шахтерами? Являются ли шахтеры самостоятельным социальным субъектом, способным осознать свои интересы, сформулировать их в виде требований, провести мобилизацию, скоординировать свои действия и поддержать друг друга?

Проведенные ФОМ исследования показали, что деятельность социальных групп, отстаивающих свои интересы, оценивается респондентами (в данном случае – экспертами – ведущими журналистами региональных СМИ) в соответствии с их представлениями о *субъектности* группы².

При анализе интервью с лидерами региональных СМИ были выделены четыре критерия, по которым они оценивали субъектность такой социальной группы как шахтеры:

- *спонтанность* или *подготовленность* выступлений;
- *инициаторы* “рельсовой войны”;
- роль *шахтерских профсоюзов* в подготовке и проведении акции;
- особенности *групповой идентичности* шахтеров.

Рассмотрим подробнее каждый из этих критериев.

1. Вопрос о *спонтанности* или *подготовленности* шахтерских выступлений выявил полярность мнений экспертов. Половина ведущих работников провинциальных СМИ (50%) отметили, что “рельсовая война” была спонтанной; 47% – что она была подготовленной, имела инициатора, продумавшего стратегию реализации своих интересов.

Категоричное утверждение, что “рельсовая война” *вспыхнула спонтанно*, высказали около 29% опрошенных: людям не платят зарплату, их объединяет общность проблем и условий жизни.

“Это спонтанные акции. Безработица, голод, тяжелые условия жизни и работы выгнали людей на рельсы” (Ростов-на-Дону).

“Это спонтанная акция, люди доведены до отчаяния и выбирают крайние меры” (Калуга).

“Не надо искать происков внешних сил, это спонтанно, т.к. люди по году не получали зарплату. И какая на это у них может быть реакция? В одном месте полыхнуло – и пошло...” (Калининград).

² “Субъектность” – теоретическое понятие. Человек может не осознавать, что оценивает именно это качество, когда он говорит, например, о несамостоятельности группы или о ее неготовности проявить инициативу. Но при анализе информации необходимо понимать, что эти слова характеризуют именно субъектность группы.

Категоричное, но противоположное мнение – что эта акция была *подготовлена* определенными силами, что действия шахтеров свидетельствуют о скоординированности и подготовленности – высказали 31% опрошенных.

"Это не спонтанная акция. Организованы они хорошо. Внешне – горняцкие профсоюзы, хотя, на мой взгляд, здесь не обошлось и без работодателей" (Ростов-на-Дону).

"Сами шахтеры и подготовили. Такие акции спонтанными быть не могут" (Калуга).

"Не могло это начаться ни с того, ни с сего. Здесь задействованы большие деньги и те люди, которые выиграли от девальвации рубля. Это они стояли за акциями протеста. Я здесь вижу руку олигархов" (Ставрополь).

"Ситуация была подготовлена "левыми" силами при участии олигархов и их финансировании. Совпали интересы – если не свалить Кириенко, то показать, какая это слабая фигура" (Ставрополь).

2. Эксперты, занявшие промежуточные позиции, руководствовались дополнительным, более тонким критерием: кому принадлежала *инициатива* "рельсовой войны".

Примерно пятая часть экспертов (21%) считает, что акция была спонтанной, но инициатива принадлежала шахтерам; что позже к протесту подключились различные социальные агенты, действующие как в экономической, так и в политической сфере.

"Это началось спонтанно. Надо быть дураком, чтобы каким-то политическим силам потом не примазаться к этому" (Ульяновск).

"Сначала это была стихия, но затем ее оседлала и организовала правящая элита на местах" (Ставрополь).

"Поначалу выступления были спонтанными, а потом ими воспользовались... те, кому выгодно, чтобы рельсовая война продолжалась как можно дольше. Ими руководят очень активно. Столько бешеных денег тратится и на пикет в Москве, и у нас – на местах!" (Калуга).

"Спонтанна на первом этапе. Но так долго длиться спонтанно она не может. Народно-патриотический блок воспользовался ею" (Волгоград).

Другая часть экспертов (16%) полагает, что были подстрекатели и что "рельсовая война" в определенной мере спровоцирована.

"Ситуация созрела, а подтолкнули к ней... Мог любой, кому это выгодно – от олигархов, приближенных к Кремлю, до чем-то обделенной блатной братвы" (Ульяновск).

"КПРФ использовала недовольство, подталкивая его. Была молчаливая поддержка властей и руководителей отрасли – желание направить недовольство вверх, против Москвы" (Ростов-на-Дону).

"За этим стоят люди, у которых с зарплатами все нормально. Это антиправительственные силы, возможно был и союз, например, Березовского с коммунистами" (Ростов-на-Дону).

"По Брянской области скажу, что у нас такие события спровоцировали коммунисты при поддержке "красных" руководителей" (Брянск).

3. Значительная часть экспертов (25%) видит в горняках самостоятельного субъекта, способного проявить инициативу и вести организованные совместные действия. По их мнению, профсоюзы – это организационная форма движения шахтеров по защите своих прав, сложившаяся в результате длительной практики протестной активности. Являясь неотъемлемой частью движения горняков, профсоюзы выполняют координирующую и представительскую функции. "Рельсовая война" была организована совместными усилиями шахтеров и профсоюзов именно для защиты шахтерских интересов.

"Независимые профсоюзы давно готовились к этому и предупреждали. Акция организована ими в интересах тех, кому не платят зарплату" (Рязань).

"Организованы они горняцкими профсоюзами" (Ростов-на-Дону).

"В шахтерских акциях выковывались новые кадры профсоюзных лидеров" (Калининград).

"Ельцин в 89 году на их стихийном протесте выплыл, но не понял этой силы. А сейчас у них есть и опыт, и организация. И они снова к нему обращаются" (Калуга).

Только 8% опрошенных высказали мнение, что профсоюзы имеют особые интересы и лишь используют шахтерское движение для своих целей.

"Верхушка профсоюзов почувствовала, что может потерять свою власть, и решила таким образом утвердиться" (Ростов-на-Дону).

"Вторая волна, после начальной, организована той частью профсоюзных деятелей, которые занимаются больше политикой" (Рязань).

4. Размышляя о причинах "рельсовой войны", многие эксперты (42%) отметили две специфических черты групповой идентичности шахтеров, которые являются существенным фактором, определяющим как характер

взаимодействия горняков с другими группами, так и предпочтение ими тех или иных форм протеста.

Когда предприятия акционировались, горняки стали идентифицировать себя в качестве совладельцев предприятия. При появившейся экономической самостоятельности шахт они рассчитывали повысить уровень своего благосостояния. Однако по ряду причин (обман при акционировании, неэффективность отрасли, устаревшее оборудование, поддержка директорами посредников по продаже угля, а также общая экономическая ситуация в стране) произошло крушение надежд на благополучие. Столь притягательная прежде идея – “я не наемный работник, я – совладелец предприятия” – потерпела крах. Около 19% опрошенных сказали о том, что шахтеры обманулись в своих ожиданиях.

"Когда они акционировали шахты, то думали, что они теперь хозяева, а хозяевами оказались совсем другие..." (Вологда).

"Шахтеры думали, что получили самостоятельность, а на самом деле они получили много посредников, которые нагрели руки на продаже угля" (Калуга).

"Не понимали, что творили, когда требовали независимости на предприятиях. Они хотели стать хозяевами, но не отслеживали этот процесс, отдали предприятия в руки нескольких человек" (Калининград).

"Когда надежды на самостоятельность, прибыли, хорошую жизнь рухнули, когда директор все имеет и их игнорирует, когда до властей не докричишься... они психологически оказались в замкнутом пространстве" (Ростов-на-Дону).

По мнению журналистов, шахтеры как профессиональная группа оказались вытесненными из нормативно определенной системы взаимодействий, в пределах которой они могли бы заявлять о своих правах и отстаивать их. В то же время у горняков не оказалось ресурсов для адаптации к новым экономическим и социальным условиям. Как полагают 23% экспертов, такая ситуация породила “синдром социального одиночества” – эмоциональный протест против всего и всех.

"Они не могут приспособиться к новым экономическим условиям, не могут оставить привычное место работы, найти новую, хотя, правда, это тоже нелегко. Отсюда – агрессивность" (Волгоград).

"Они чувствуют себя брошенными на произвол судьбы и центральными, и местными властями. Все это в совокупности рождает взрыв отчаяния" (Ростов-на-Дону).

"Это вылилось в большую злобную пьянку. Мы сопровождали итальянского журналиста, так нас чуть камнями не закидали. Сказали: вы из Москвы приехали – уходите. Объяснить, что мы чистые и выглаженные не потому, что приехали из Москвы, а просто ходим так, было невозможно" (Ростов-на-Дону).

Устойчивая профессиональная идентичность, высокая сплоченность шахтерских коллективов, большой опыт протестных действий свидетельствуют о том, что шахтерское движение перестало быть частным явлением. Протестная активность шахтеров оказывает влияние на разные сферы общественной жизни – экономическую, политическую, правовую, сферу государственного управления, а также на социальное самочувствие всего общества. Свидетельство этого – высказывания ведущих журналистов российской провинции о готовности разных социальных групп участвовать в акциях протеста горняков. Более того, 41% экспертов в качестве *реальных* (т.е. уже участвовавших в акциях) *союзников* называют тех или иных агентов, относящихся к политической сфере: это КПРФ и другие леворадикальные силы, “политическая оппозиция” и “олигархи”, воспринимаемые не только как экономический, но и как политический субъект. На поддержку этих же агентов, по мнению 25% опрошенных, шахтеры могут рассчитывать и в дальнейшем, при проведении новых акций, поскольку определенным политическим силам выгодно иметь шахтеров в качестве партнеров или союзников.

Таким образом, часть представителей провинциальной журналистской элиты (от четверти до половины – по разным критериям) приписывает шахтерам статус социального субъекта *политического взаимодействия*, который способен осознать свои интересы, сформулировать свои требования, организованно мобилизоваться и оказать влияние на политические события. Все это делает шахтеров заметной социальной силой, ибо существует множество агентов, групп, общностей, готовых взаимодействовать с шахтерами в качестве союзников.

Однако сильна и другая позиция: шахтеры – удобный *объект манипуляции*, а реальными субъектами являются те, кто провоцирует горняков на экстремальные действия, кто поддерживает их протест ради достиже-

ния своих интересов. Эксперты подробно осветили данную проблему, отвечая на вопросы о возможных союзниках шахтеров и об условиях поддержки их выступлений.

3. Союзники шахтеров и условия солидарных действий

Социальному субъекту приходится действовать в развернутой системе других агентов, с каждым из которых ему нужно определять форму взаимоотношений. Процесс внутренней мобилизации агента сопровождается не только сосредоточением сил и средств для достижения какой-либо цели, но и его организационным оформлением, созданием структуры. На этом этапе реализуются установки на поиск союзников.

Взаимодействие с союзниками осуществляется путем преодоления межгрупповых барьеров, которые можно определить как дифференциацию на “своих” и “чужих” по принадлежности к разным стратам и группам [4, с.28]. Значимым фактором для взаимной идентификации потенциальных союзников оказываются сходные условия существования, повседневные проблемы [5, с.19]. Но для того чтобы группа получила поддержку, должна быть установлена общность интересов агентами – потенциальными союзниками [6, с.163-164]. Отвечая на вопрос: “На чью поддержку могут рассчитывать в своих действиях шахтеры”, эксперты назвали ряд возможных союзников³. Среди них можно выделить три типологических группы, рассмотренных ниже.

Основанием для выделения **первой** группы союзников стало мнение экспертов о том, какие социальные субъекты являются *социально близкими* шахтерам. Это – бюджетники, малоимущие, профессиональные группы нерентабельных отраслей промышленности, т.е. все те, чьи по-

³ Под *союзниками* мы подразумеваем агентов, выступающих на стороне агента – инициатора выдвижения требований – и поддерживающих эти требования. Они стремятся к общей цели посредством взаимозависимых действий, что означает наличие ряда общих целей и требований, но не предполагает их полного и автоматического единства.

вседневные и производственные (профессиональные) проблемы в значительной степени совпадают с шахтерскими. Предполагается, что и социальные интересы этих общностей в достаточной мере близки.

"Вероятна поддержка работников оборонных предприятий, "лежащих" отраслей промышленности – тех, кто находится в таких же условиях (Вологда).

"На те слои населения, которые не получают заработной платы (Ростов-на-Дону).

"На поддержку люмпенизированной части населения, на тех, у кого нет денег, а это – большая часть населения" (Ставрополь).

"Могут рассчитывать на бюджетников и пенсионеров, матерей, не получающих детские деньги" (Волгоград).

"Голодный голодного всегда поймет" (Ростов-на-Дону).

Главным условием, ограничивающим возможности этих агентов в проявлении солидарности, являются их мобилизационные навыки. Для преодоления разрозненности, инертности, несамостоятельности и безынициативности требуется большая работа, которую могут провести только активные, опытные, организационно оформившиеся агенты.

"Какая-то поддержка, может, и будет оказана работниками других отраслей хозяйства и бюджетниками, но серьезная – вряд ли. Низкая организованность рабочего класса" (Ставрополь).

"Для того чтобы наш народ, который разучился стоять в очередях, собрать, повести и заставить что-то делать, должна быть проведена большая организационная работа, на которую нужно потратить много сил и денег" (Ставрополь).

Вторую типологическую группу союзников образовали субъекты властной и политической сферы (исключая власть на местах), различающиеся по статусу, политическому весу и т.д.. Объединяет их то, что это – в большей или меньшей степени – *инструментальные помощники*. Их интересы в той или иной мере отличаются от шахтерских, но цели (по мнению экспертов) совпадают. Одни эксперты среди союзников данной группы называют КПРФ и политических экстремистов, добивающихся отставки властей или влияния на политику Правительства; другие упоминают Правительство и Президента, с которыми шахтеров может объединять стремление к социальной стабильности, функционированию за-

конов или к обузданию местных властей. Взаимодействие с любым из союзников второй группы зависит от конкретной ситуации.

"Шахтеры обращаются к Правительству и Президенту, значит они должны рассчитывать на них в своих действиях, потому что в результате проиграла общественная стабильность" (Ростов-на-Дону).

"Слабое управление госимуществом привело к произволу местных управленцев, а Москва не может проявить волю. Если эти аудиторские комиссии работают, то польза будет и для Москвы, и для шахтеров" (Ставрополь).

"Шахтеры пытаются незаконными способами заставить работать законы. Центральные власти и прокуратура должны понять это и поддержать. Надо научиться давать посредникам по шапке" (Брянск).

"Поддержат коммунисты и народно-патриотический союз. Их выигрыш – негативный: на волне негатива прийти к власти. Но нужно что-то созидать, люди же требуют!" (Рязань).

"Правительство как исполнительный и управляющий орган показало свою недееспособность. Шахтеры могут рассчитывать только на поддержку оппозиционных сил" (Ставрополь).

К **третьей** группе союзников относятся олигархи, директора, региональные власти, криминалитет, перекупщики, то есть те, кто в той или иной степени *манипулировал* активностью шахтеров и отчасти добился реализации своих интересов. По мнению экспертов, эти агенты участвовали в организации "рельсовой войны", содействие с их стороны вполне возможно и в дальнейшем. Именно они (за исключением перекупщиков угля) выиграли в результате "рельсовой войны".

Последние две группы союзников близки между собой – разница заключается в степени их ответственности друг перед другом и друг за друга. Перспективы продолжительного взаимодействия между ними и агентом – инициатором выдвижения требований ненадежны. Как показали исследования Дж.Тернера, если в процессе взаимодействия границы между группами воспринимаются так же отчетливо, как и прежде, то лишь только непосредственная цель кооперации будет достигнута, сохранившееся различие вновь вызовет к жизни дистанционность, а в предельном случае – конфликт интересов [4, с.26].

Наряду с союзниками и контрагентами в протестных акциях участвует такая категория агентов, как *посредники*. Их первоочередная задача – поиск взаимоприемлемых путей урегулирования конфликтов. Необходи-

димось участия этих агентов в социальном взаимодействии определяется самим фактом выдвижения требований шахтерами. Иными словами, они призваны выполнять интегративную функцию.

Можно выделить два типа посредников. К первому относятся те, кто имеет институциональный статус в структуре государственной власти: суды, прокуратура, Рострудинспекция. Второй тип представлен элементами гражданского общества: СМИ, профсоюзы, согласительная комиссия.

Как следует из ответов экспертов, поддержка СМИ в значительной мере зависит от властной и политической ориентированности издания (20%), а поддержка профсоюзов – от их отраслевой принадлежности, поскольку не везде есть согласие в отношении стратегий действий (9%).

"Коллеги из СМИ – все зависит от ориентации издания. Если газета оппозиционная, то все совершенно ясно" (Калуга). "Демократические – двойственное отношение, в основном – против таких мер. А патриотическая пресса – "за" – обеими руками" (Ростов-на-Дону).

"Была борьба между профсоюзами железнодорожников и профсоюзами шахтеров. Когда развернулась дискуссия, то симпатии были на стороне железнодорожников. Все почувствовали потери (Ростов-на-Дону).

"Внутри профсоюзного движения наметился раскол, и сейчас эту логику – перекрытие дорог – поддерживает только часть профсоюзных деятелей и часть шахтеров (Рязань).

Согласительная комиссия как форма разрешения конфликтов, предупреждающая их эскалацию, появилась недавно и мало где обрела статус постоянно действующего органа.

"У нас в основном пикеты. Потом собирается что-то вроде комиссии, профсоюзы и администрация садятся вместе и договариваются" (Рязань).

"С 93 года установились нормальные отношения между профсоюзами и администрацией. В случае экстренных конфликтов собирается трехсторонняя комиссия. В случае стачек и забастовок профсоюзы контролируют ситуацию" (Ульяновск).

Характерно, что почти треть ведущих журналистов региональных СМИ (29%) отметили, что горняки могут рассчитывать только на себя. Иначе говоря, между шахтерами и другими группами существует социальная дистанция, которая затрудняет или делает невозможным солидар-

ное взаимодействие. В качестве обоснования данного суждения эксперты приводили доводы, в которых можно выделить четыре мотива.

1. Сейчас кроме шахтеров нет другого столь же сплоченного и мобилизованного субъекта.

"На наличие широкого фронта пролетарских сил рассчитывать не приходится – каждый сам по себе" (Волгоград).

"Только на себя. Профсоюзы в других отраслях слабо работают" (Ростов-на-Дону).

"Поддержка масс эфемерна" (Рязань).

2. Шахтеры – эгоисты и шантажисты; их никто не поддержит – они преследуют только свою выгоду, не считаясь с уроном, который наносят народу и стране.

"Они потеряли поддержку в народе, стали раздражать людей" (Ростов-на-Дону). *"Раздули огромные необоснованные тарифы. Под них нет денег, а люди почувствовали вкус к деньгам и от своего не отступят"* (Брянск).

"Посредством шантажа им удастся добиться от власти компромиссов" (Ростов-на-Дону).

"Чем дальше, тем меньше они могут на кого-то рассчитывать. Нормальные люди проиграли – за их счет шахтерам выплачивают" (Рязань).

3. Их действия причинили огромный ущерб экономике страны. Пострадавшие от "рельсовой войны" рядовые россияне их не поддержат шахтеров, если они и впредь будут прибегать к подобной тактике.

"Никто не поддержит, от этих акций колоссальные убытки и дестабилизация по всей стране" (Вологда).

"Шахтеры, отстаивая свои права, губят и государство, и экономику" (Ульяновск).

"Растет понимание, что такие акции ни к чему хорошему не приводят. Ухудшилась экономическая ситуация в стране, одно тянет за собой другое" (Калининград).

4. Шахтеры не являются самостоятельным агентом, ими манипулируют. И шахтеры, и другие агенты, подключившиеся к акциям протеста, ничего не добьются.

"Ни на чью поддержку не могут рассчитывать – их используют как марионеток" (Калуга).

"Шахтеры – разменная монета в большой политике. Они могут рассчитывать не на поддержку, а на подачку. Победителей в такой войне не будет" (Ульяновск).

Эксперты высказали также мнение, что шахтеры должны дистанцироваться от возможных “инструментальных помощников”, поскольку те манипулируют ими.

"Будут примазываться те, кто хочет делать политику, поэтому шахтерам надо надеяться только на себя" (Волгоград).

"Их просто используют, поэтому рассчитывать они могут только на себя и не втягиваться в политику" (Ставрополь).

"Анпилов ходил с красным флагом по рельсам вместе с шахтерами. Это вылилось в массовую пьянку" (Ростов-на-Дону).

Разброс мнений при аргументировании суждений свидетельствует о наличии целой системы обоснований отказов в поддержке.

Это подтверждают высказывания ведущих провинциальных журналистов о том, какой отклик получила “рельсовая война” в регионах. Большинство из них (56%) отметили, что акции шахтеров практически *не вызвали резонанса*. По мнению 48% экспертов, значительная часть населения симпатизирует шахтерам, но не собирается проводить акции в их поддержку. Только пять экспертов сказали, что в их регионах прошли митинги, организованные коммунистами, и блокирование магистралей шахтерами и учителями. Остальные убеждены, что забастовки и блокада магистралей в их регионе не были связаны с шахтерскими выступлениями.

О *широком* резонансе “рельсовой войны” говорили 13% экспертов – в основном из Ростова, Калуги, Вологды и Ставрополя. Ростовские шахтеры начали перекрывать дороги с 18 мая, когда акции протеста в стране продолжались уже больше недели. В Калужской области шахтеры также угрожали перекрыть Киевскую железную дорогу, но властям и руководству предприятия “Тулауголь” удалось оперативно разрешить конфликтную ситуацию, хотя *она* сильно взбудоражила область.

"Шахтеры тоже к рельсам выходили, но пути не перекрывали. “Тулауголь” и Правительство что-то шахтерам выделили, и ситуация успокоилась, но это накалило и взбудоражило ситуацию в области" (Калуга).

Экономика Вологодчины и Ставрополя в значительной степени зависит от поставок угля и функционирования транспортных артерий. Экс-

перты отмечали, что “рельсовая война” резко обострила экономическую ситуацию в этих регионах.

“Область была поставлена в трудные условия: “Северсталь” получает уголь из Воркуты” (Вологда).

“На “Северстали” держится 70% областного бюджета. Вынуждены были закупать сырье за границей ” (Вологда).

“Задержки поездов, срыв контрактов и промышленных поставок” (Ставрополь).

Несмотря на сочувствие населения шахтерам, акций в поддержку их требований практически не проводилось (за исключением “шахтерских” регионов). Журналисты объясняют это как отсутствием готовности других социальных групп к солидарным действиям, так и отрицательным отношением к шахтерам, восприятием их в качестве “шантажистов”.

Как следует из материалов экспертного опроса, для возникновения феномена солидарных действий существенным оказывается не только наличие агентов, обладающих навыками мобилизации, но и целый ряд дополнительных условий – взаимная идентификация агентов в качестве социально-близких групп; соотнесение намерений агента-инициатора с ценностью: “благо для себя” – “благо для всех”; согласие при определении требований и целей протестных акций.

4. Возможности урегулирования конфликтных ситуаций

В процессе мобилизации социальный субъект не только изменяет собственную структуру и границы, но и оказывает преобразовательное воздействие на структуру более широкой общности, в состав которой он входит [7, с.243-253]. Социальный субъект формулирует цели, определяет стратегию их достижения и предпринимает соответствующие действия. Он вовлекает во взаимодействие целый ряд агентов, которые, в свою очередь, должны определить свое отношение к нему и свою стратегию дальнейших действий.

Таким образом, особенности существования социальной проблемы в обществе определяются реальными действиями всех причастных к ее решению сторон. На наш взгляд, особую роль в этом играет позиция контрагента. Материалы экспертного опроса позволяют предположить, что шахтерское движение столкнулось с неординарной задачей – борьбой за признание контрагентом существования социальной проблемы и за оценку ее актуальности.

В ходе акций протеста шахтеры не только определили для себя приемлемый репертуар действий и приобрели организационные навыки, но и выявили основных контрагентов – федеральные, местные и региональные власти. Размышляя о причинах “рельсовой войны” и ее последствиях, эксперты так или иначе оценивали способность властей как контрагента шахтеров реагировать на выступления горняков.

Как следует из рассказов региональных журналистов об акциях протеста в регионах, местные власти чаще всего стремятся сохранить существующее положение и используют стратегии, приводящие к снижению значимости либо их собственного статуса (переадресовка претензий), либо статуса агента-инициатора (раскол рядов бастующих). Лишь некоторые эксперты отметили, что местные власти ориентируются на развитие практики согласительных действий – создание трехсторонней комис-

сии (Ставрополь, Ульяновск), сотрудничество и переговоры с профсоюзами (Рязань).

"Если что-то и случается, то стороны стараются решать путем переговоров. Власти пытаются предпринимать меры для снятия напряженности. У нас хорошо работает трехсторонняя комиссия краевая. Много заключается соглашений между работодателем, властью и представителями трудовых коллективов. Закладываются трудовые гарантии и они выполняются" (Ставрополь).

"Администрация садится за стол переговоров с профсоюзами и совместно находят взаимно приемлемое решение" (Рязань).

По мнению экспертов, стратегия снижения значимости собственного статуса, избираемая местными властями, оказывается вполне успешной. В результате они выпадают из системы, обеспечивающей должную степень *респонсивности*⁴ структуры государственной власти. При этом акции протеста лишаются четкой адресности, образ центральных властей в качестве контрагента оказывается размытым, а незначительный (в масштабах страны) размер акции предопределяет ее исход – на нее не последует реакция, и претензии не будут удовлетворены.

"На всех акциях протеста губернатор выступает и поддерживает лозунги про отставку Ельцина и Правительства. В глазах населения такая власть почетна. Но в результате ничего не делается – только пар выпускается. Там, где власти нормальные, вопросы решаются кардинально, и их не доводят до кипения: Савченко, Титов. Работают, ищут выход из кризисных ситуаций" (Брянск).

"...Они говорят, что пока Ельцин сидит у власти, мы ничего не можем сделать. Но зачем же они тогда туда шли? Привилегиями пользуются, а ответственности не несут. Думаю, что и у шахтеров так же. Их ситуация усугубляется коррумпированностью на местах, люди чувствуют себя брошенными на произвол судьбы центральными и местными властями. Даже, может быть, местными больше" (Волгоград). "Давно, я знаю, пришли трансферты для учителей, а денег те до сих пор не получили. А виноват какой-то Ельцин, об этом говорится открыто. А как проверишь, проконтролируешь?" (Рязань).

Центральные власти, оказавшись основным контрагентом для большинства субъектов, вовлеченных в протестную активность, вполне успешно могут игнорировать сравнительно мелкие выступления. Однако масштабные акции – типа “рельсовой войны” – требуют оперативного и действенного вмешательства, поскольку могут спровоцировать кризис в

⁴ Респонсивность – организованная способность группы, социальных институтов, структур воспринимать воздействие и отзываться на него [8, с.246].

различных сферах общественной жизни. В этом случае центральным властям приходится действовать в экстремальной ситуации, угрожающей выйти из-под контроля.

Отсюда следует, что функции интеграции и снятия напряжения в обществе должны выполнять не только местные и центральные власти, а ряд агентов – посредников, и главные среди них – правовые институты. Однако, как явствует из ответов экспертов, суды и прокуратура не справляются с задачей превентивного регулирования конфликтов. Среди причин “рельсовой войны” провинциальные журналисты называли неэффективность экономического законодательства (12%) и бездействие законодательной власти (8%). Лишь пятеро указали, что в их регионах конфликтные ситуации с нарушением прав трудящихся и проблемы невыплат решаются через суд, и только один эксперт привел пример своевременного вмешательства прокуратуры, благодаря чему протестующие отказались от жесткой формы давления на власти в пользу менее жесткой.

"У нас протестные акции бывают – пикетирование, полемика в СМИ и даже обращение в суды" (Рязань).

"Конфликты из-за зарплат и невыплат детских пособий пытаются решить через суд" (Брянск).

"...Разные стратегии, но люди чувствуют безысходность. Нет законов, попустительство прокуратуры, неэффективность судов" (Брянск).

"Года два назад учителя выходили на рельсы, но после предупреждения прокуратуры этого больше не было. Теперь садятся за круглый стол с участием профсоюзов и договариваются" (Вологда).

Несколько более успешной стратегией эксперты считают заявления и публикации в СМИ. При этом оптимальной им представляется ситуация, когда власти после публикаций начинают переговоры, и стороны находят компромисс.

"Многие конфликты решаются через прессу. Это – сильный аргумент. В регионе еще уважают печатное слово" (Ставрополь).

"...Письма пишут, заявления в СМИ, но проблемы не решаются. Просто переводятся стрелки на Москву" (Брянск).

"После митингов, выступлений в СМИ были переговоры. Может быть, они не всегда заканчиваются успешно, но оттягивают возникновение более серьезных акций" (Вологда).

"Центр проиграл информационную борьбу в борьбе за общественное мнение в регионах. Местные СМИ, как правило, отражают позицию – услужить начальству. Оно их кормит" (Ставрополь).

По мнению экспертов, в ситуации, когда власти игнорируют требования протестующих, реакции властей можно добиться только масштабностью выступлений, решительностью действий и категоричностью требований. Однако широкомасштабные акции представляют угрозу не только экономике и социальной стабильности, но и власти, поскольку всегда найдутся группировки, готовые использовать протест в своих целях.

"Народ начинает понимать: только такими методами можно добиться чего-то, заставить обратить на себя внимание – только такими акциями" (Калининград).

Это репетиция перед более серьезными акциями. Они попытались выдвигать политические требования, и отголоски этой войны еще будут" (Калуга).

"Результат напрямую зависит от массовости этих акций и от организованности участников. Акции, подобные шахтерской будут пытаться оседлать политическая оппозиция в своих целях... Но это задача центральной власти – опередить их, выбить почву, если удастся" (Ставрополь).

Итак, на основании суждений экспертов можно сделать следующие выводы:

функции общественной интеграции и снятия социального напряжения выполняют четыре агента – местная власть, суды, профсоюзы и СМИ;

от эффективности функционирования этих агентов зависит уровень социальной напряженности в регионах: если вся система оперативно отзывается на протестные инициативы, конфликт разрешается легитимными мерами;

сегодня большинство агентов не справляются с функцией превентивного урегулирования конфликтов, что создает условия для эскалации социальной напряженности в отдельных регионах до масштабов общероссийского кризиса;

наиболее эффективной формой взаимодействия, предупреждающей эскалацию конфликтов, является согласительная комиссия (из девяти приведенных примеров отказа протестующих от жестких форм протеста в четырех случаях компромисс достигался благодаря работе согласительной комиссии).

5. Мобилизационный потенциал

“рельсовой войны”

Анализ экспертных интервью позволил вывести обобщающую характеристику оценки перспектив протестного движения в стране – *мобилизационный потенциал*. Ее обуславливают следующие параметры.

1. Особенности “субъектности” агента – инициатора выдвижения требований (умение отрефлексировать интересы и сформулировать требования, специфика групповой идентичности, организационная оформленность, мобилизационные навыки, представления о системе агентов, наличие установки на поиск союзников, освоенность репертуара действий и др.).

2. Особенности “субъектности” возможных союзников, в первую очередь – их мобилизационная готовность и опыт совместных действий.

3. Условия, возможности и навыки солидарных действий (наличие общего проблемного поля, в рамках которого формулируются требования и цели; сходная оценка причин кризисного положения, согласованность сфер деятельности – политическая, экономическая и т.п.; взаимная идентификация агентов в качестве социально-близких групп и/или в качестве союзников; выдвижение ряда общих требований, скоординированность действий: определение общего контрагента).

4. Эффективность функционирования механизмов, предупреждающих эскалацию конфликта.

5. Установки контрагента по отношению к проблемной ситуации и к агенту-инициатору, его способность конструктивно реагировать на выступления протеста.

По мнению ведущих региональных журналистов, в России сложилась система социальных субъектов, так или иначе участвующих в “рельсовой войне”. Шахтеры – старейший участник акций протеста в

России. В качестве активного и самостоятельного социального субъекта шахтеры заявили о себе еще в период “демократической волны” начала 90-х годов [9, с.15]. А сегодня шахтеры, по мнению экспертов, оказались заложниками своей политической активности того периода.

Рассогласованность представлений о *должном* и *реальном* уровне жизни вызывает протест, который является значимым фактором роста социальной напряженности. Демократические перемены связывались в представлении горняков с изменением собственного статуса на предприятиях и с ростом материального благополучия. Однако спустя несколько лет оказалось, что реформы не принесли ожидаемых результатов, полномочным хозяином угольных предприятий стал директорский корпус, а не трудовые коллективы. Реформирование отрасли затянулось, реальных доходов от продажи угля не хватало ни на переоборудование, ни на поддержание приемлемого уровня благосостояния шахтеров.

Суждения экспертов согласуются с данными массовых опросов, в которых фиксируется развитие синдрома “относительной депривации”. В августе 1998г. Фонд “Общественное мнение” провел опрос населения по проблеме формирования среднего класса в России. Отвечая на вопрос о том, чем нужно обладать, чтобы отнести себя к “среднему классу”, россияне на первое место поставили хорошую зарплату (49%), на второе – престижную, уважаемую работу (39%). Около 59% респондентов считают себя специалистами в своем деле; однако 61% тех, кто назвал себя профессионалом, отметили, что их материальное положение за последние два-три года ухудшилось, и 72% не причисляют себя к среднему классу. Таким образом, профессионализм россиян не является инструментом и достаточным условием для обеспечения их материального благополучия и достижения определенного статуса в обществе.⁵

⁵ Данные общероссийского опроса населения, проведенного ФОМ по репрезентативной выборке в 56 населенных пунктах 29 областей, краев и республик всех экономико-географических зон России. Интервью по месту жительства. Объем выборки – 1500 респондентов. 22 августа 1998г.

Рост числа забастовок, масштабность и продолжительность “рельсовой войны” свидетельствуют не только о высокой готовности людей к протестным действиям, но и о возникновении мобилизационных навыков и стратегий такого рода действий. По мнению значительной части экспертов, шахтерское движение имеет довольно четкую организацию, основу которой составляют профсоюзы горняков. Оно стало социальной силой, оказывающей влияние на экономику страны, на социальное самочувствие всего общества. Об этом свидетельствуют характеристики “субъектности” шахтеров, данные экспертами. Кроме того, в качестве союзников шахтеров журналисты называют тех или иных агентов, относящихся к сфере *политического* взаимодействия. Обобщая, можно сказать, что шахтерское движение перестало быть частным явлением, оно стало фактором, влияющим на различные сферы общественной жизни – экономическую, политическую, правовую, сферу государственного управления.

Мнения экспертов о вероятности солидарной поддержки шахтеров со стороны других общностей и социальных групп разделились. Почти треть ведущих работников региональных СМИ отметили, что шахтеры могут рассчитывать только на себя. Эксперты приводят следующие аргументы: в России нет другого столь же сплоченного субъекта; шахтеры демонстрируют эгоистические установки; их действия неприемлемы и наносят вред и населению, и стране в целом; активность горняков безрезультатна и т.д.

По мнению другой части ведущих провинциальных журналистов, шахтеры могут рассчитывать на поддержку целого ряда агентов. Это, в первую очередь, социально-близкие группы: бюджетники, рабочие смежных отраслей промышленности, работники нерентабельных предприятий, с которыми горняков объединяют сходные проблемы. Вероятность солидарных действий с этими группами, полагают эксперты, довольно высока. Однако обращает на себя внимание тот факт, что в рассуждениях журналистов аргументы *в пользу* поддержки выступлений горняков довольно условны и схематичны, а аргументы *против* солидар-

ных действий – четкие и развернутые. По-видимому, это является отражением общей ситуации: несмотря на рост числа массовых акций протеста, россияне практически не готовы к солидарным действиям. Эксперты объясняют это как отсутствием готовности других социальных групп к солидарным действиям, так и отрицательным отношением к шахтерам, восприятием их в качестве “шантажистов”.

Бесспорным результатом “рельсовой войны” стало не только появление навыков совместных действий и организационное оформление протестных акций. Как наиболее массовая и сплоченная профессиональная группа, шахтеры создали образец стратегии разрешения социально-трудовых конфликтов. Сформулированные экспертами оценки протестной активности в их регионах говорят о том, что единственным способом решения проблем россиянам видится блокада транспортных магистралей. Все более распространенным становится мнение, что реально защитить свои интересы можно только широкомасштабными акциями, решительными действиями и категоричными требованиями. В качестве наглядного примера можно привести несколько заголовков сообщений АСТИ⁶: “Ковровские приборостроители использовали опыт горняков шахты “Кузнецкая”; “Самарские оборонщики вновь перекрыли центр города”; “Речники Тюмени перекрыли автомагистраль”; “Рабочие выборгского ЦБК собрались перекрыть трассу “Скандинавия”.

По мнению экспертов, “рельсовая война” стала примером мобилизации людей, она показала, что трудящиеся могут и должны защищать свои права. И хотя недостатки такой тактики очевидны, однако к экстремальным действиям россиян подталкивает безысходность. Подтверждение тому можно найти в изданиях различных профсоюзных объединений, например в газете Тверского территориального объединения Свободных профсоюзов СМОТ: “Законные формы борьбы приносят успех все меньше и меньше. Пикетирование, митинги, демонстрации, забастов-

⁶ АСТИ – Агентство социально-трудовой информации.

ки малоэффективны... Поэтому народ пошел на незаконные методы борьбы, блокирование коммуникаций, зданий администраций и другие акты гражданского неповиновения... Шахтеры первыми опробовали этот метод. Результаты известны. <Власти> стараются натравить на шахтеров железнодорожников, металлургов, энергетиков – всех, кого только можно. Они, мол, во всем виноваты: тянут одеяло на себя, а вам не хватает. **Необходимо понять: шахтеры берут свое, кровно заработанное, и далеко не все. Просто буржуи отдают не то, что нахапали, а наше с вами. Потому что мы молчали, и так будет до тех пор, пока будем молчать**”⁷ [10, с.1].

При оценке мобилизационного потенциала необходимо учитывать, что установки агента-инициатора на наращивание ресурсов (на расширение солидарной поддержки) в значительной мере определяются степенью респонсивности контрагента. Рост числа акций протеста, увеличение длительности забастовок (особенно в промышленности⁸) говорит о том, что существующие механизмы легитимного регулирования социально-трудовых отношений малоэффективны. По мнению экспертов, местные власти в большинстве случаев не предпринимают усилий, необходимых для нормализации обстановки, прибегая к стратегии переадресовки претензий в адрес федеральной власти, которая оказывается основным контрагентом для большинства участников акций протеста.

Перед началом интервью о проблеме "рельсовой войны" экспертов просили оценить деятельность разных ветвей власти. Среди экспертных оценок действий Президента лидировали такие суждения: Президент *не способен выполнять функции гаранта стабильности и соблюдения прав трудящихся* (26%); Президент *не знает положения дел в стране, не владеет ситуацией* (16%). Таким образом, стратегия переадресовки ответственности эффективна лишь до определенной степени. Возможно, центральной власти следует демонстративно принять на себя ответствен-

⁷ Выделено автором.

⁸ См., например: [11, с.127].

ность и гарантии соблюдения прав трудящихся, признав тем самым *существование данной социальной проблемы*.

Результаты массовых опросов ФОМ свидетельствуют, что действия шахтеров воспринимаются как мера, направленная на привлечение внимания властей (прежде всего – федеральных). Претензии к власти заключаются “не столько в нарушении тех или иных финансовых обязательств перед шахтерами, сколько в нежелании или неспособности обеспечить соблюдение законных прав последних, когда их нарушает непосредственное начальство” [12, с.4]. Таким образом, объяснения Правительства, что оно выполнило все или почти все свои обязательства перед должниками, оказываются не услышанными.

Функции снятия конфликтного напряжения в обществе призваны выполнять прежде всего правовые институты и СМИ. Как следует из ответов экспертов, суды и прокуратура не способны эффективно решать социально-трудовые конфликты. Надзор и контроль за протестной активностью журналисты вменяют в обязанность центральным властям, что свидетельствует о низкой значимости правовых институтов. Косвенно это подтверждается и действиями центральной власти: она не воспользовалась правом применения силы против нелегитимных действий, угрожавших социальному и экономическому развитию страны; в экстренном порядке были созданы новые агенты правового надзора и контроля, дублирующие функции уже существующих.⁹

Вместе с тем эксперты приводили примеры, когда протестующие отказывались от жестких форм действий в пользу менее экстремальных. В большинстве случаев это связано с инициативой местных властей, работодателей и профсоюзов по созданию согласительной комиссии. Такая форма урегулирования конфликтов представляется ведущим деятелям региональной журналистики наиболее приемлемой. Достоинство ее в том, что устанавливается регулярное взаимодействие между конфлик-

⁹ Речь идет о специальных бригадах федеральной службы налоговой полиции, руководителями которых были назначены довольно высокие чины (генерал-майор, генерал-лейтенант). См., например: [13].

тующими сторонами, настраивающее агентов на конструктивное сотрудничество.

Основные элементы комплекса причин социальной нестабильности, по мнению экспертов, все еще сохраняются и, следовательно, сохраняется потенциал для дальнейшего обострения социальных проблем и проведения акций протеста. Поэтому, полагают эксперты, необходимо стимулировать практику легитимных действий в разрешении социально-трудовых конфликтов, способствовать расширению репертуара таких действий, обеспечивать их результативность и оказывать надлежащую пропагандистскую поддержку.

Литература

1. *М.Спектор, Дж.Китсьюз.* Конструирование социальных проблем /Пер. с англ. Ясовеев И.Г. // Контексты современности. Ч.2. Казань: КГУ, центр социологии культуры, 1998.
2. *Г.Блумер.* Социальные проблемы как коллективные поведение /Пер. с англ. Ясовеев И.Г. // Контексты современности. Ч.2. Казань: КГУ, центр социологии культуры. 1998.
3. *Бурдьё П.* Социальное пространство и генезис "классов" // Вопросы социологии. М.: Адапт, 1992. Т.1, № 1.
4. *Агеев В.С.* Межгрупповое взаимодействие. Социально-психологические проблемы. М.: Изд-во МГУ, 1990.
5. *Данилова Е.Н.* Социальные идентификации личности в постсоветской России (1992-1997г.г.) Автореферат диссертации <...> канд. социологических наук. М., 1997.
6. *Климов И.А.* Профессиональная идентичность и групповые интересы как факторы солидарного действия (Построение гипотезы) / Под ред. Ядова В.А. // Солидаризация в рабочей среде. М.: ИС РАН, 1998.
7. *Etzioni Amitai.* Mobilization as a macrosociological conseption // British Journal of Sociology. 1968. 19, 3.
8. *Штомпка П.* Социология социальных изменений. М.: Аспект-пресс, 1996.
9. *Гордон Л., Груздева Е., Комаровский В.* Шахтеры-92. Социальное сознание рабочей элиты. М., 1993.
10. Информационный листок №24 Тверского областного совета рабочего движения (ТОСРД). // Рабочая Тверь. 1998. №5 (6).
11. Российский статистический ежегодник. М.: Госкомстат России, 1997.
12. Социологические сообщения. М.: Фонд "Общественное мнение", 1998, № 48 (363), 2 июня
13. *Бабаева С., Павловский С., Привалов А., Чугаев С.* Шахтеры – плохие политики. // Известия. 1998. №92, 22 мая; *Павловский С.* Налоговая полиция всматривается во тьму // Известия. 1998. №100, 3 июня